

УДК 811'276:398.224(=512.153)
DOI 10.25587/v7085-9383-3056-d

М. Д. Чертыкова, А. Д. Каксин
Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова

ЯЗЫКОВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ БОГАТЫРСКОГО ВИДЕНИЯ МИРА: на материале героического сказания «Албынчы»

Аннотация. Данная статья является продолжением цикла статей, посвящённых лингвистическому описанию основных видов восприятия окружающего мира в хакасских фольклорных текстах. Цель статьи – выявление и описание лексических и структурных особенностей отражения богатырского видения мира в языке. Материалом семантико-когнитивного анализа послужили глагольные лексемы, выражающие зрительное восприятие, собранные методом сплошной выборки из текста хакасского героического сказания «Албынчы». Всего в тексте мы насчитываем 137 случаев языковой реализации концепта «зрительное восприятие». При этом в анализируемых контекстах действующим индивидом, соответственно, субъектом восприятия, является богатырь/богатырша, поэтому в исследовании перцептивных процессов рассматривается позиция этих главных эпических героев, в чём и заключается когнитивный аспект данного исследования. Актуальность нашего исследования обусловлена недостаточной изученностью концепта «зрительное восприятие» в других тюркских языках, а также отсутствием работ по исследованию данного концепта на материале фольклорных текстов. Новизна проведённого исследования заключается в том, что впервые в семантико-когнитивном и лингвокультурологическом аспектах описывается богатырское видение мира на материале героического сказания, как фрагмента фольклорно-языковой картины мира.

В хакасском языке репрезентация зрительного восприятия, по нашим сведениям, осуществляется 10 глагольными единицами. Однако в тексте героического сказания «Албынчы» используется только один глагол **кѳр** – «смотреть; видеть», в некоторых контекстах прослеживается его сочетание с другим глаголом зрительного восприятия **хара**-, характеризующим процесс зрительного восприятия. Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что глагол **кѳр** – «смотреть; видеть» имеет богатый лексический, грамматический, синтагматический потенциал и обеспечивает всё необходимое когнитивное представление о зрительном восприятии окружающего мира во всём его многообразии. Фольклорно-языковая система хакасов имеет очень много неизученных, неразгаданных, а от того и интересных в лингвокультурологическом плане концептуальных полей. Считаем, что данная тематика имеет хороший лингвистический потенциал и перспективу для будущих исследований.

Ключевые слова: героическое сказание «Албынчы», Семён Прокопьевич Кадышев, хайчы, богатырь, зрительное восприятие, концепт, глагол **кѳр** – «смотреть; видеть», семантика, сочетаемость, хакасский язык.

М. Д. Chertykova, A. D. Kaksin

Linguistic expression of hero's visual perception: the case of the *Albynchy* heroic legend

Abstract. This article is a continuation of a series of articles devoted to the linguistic description of the main types of perception of the world in Khakas folklore texts. The purpose of the article is semantic-cognitive analysis,

---

ЧЕРТЫКОВА Мария Дмитриевна – д. филол. н., в. н. с. Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, Абакан, Россия.

E-mail: chertikova@yandex.ru

CHERTYKOVA Maria Dmitrievna – Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher of Institute of Humanities Researches and the Sayan-Altai Turkology, N. F. Katanov Khakas State University, Abakan, Russia.

E-mail: chertikova@yandex.ru

КАКСИН Андрей Данилович – д. филол. н., в. н. с. Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, Абакан, Россия.

E-mail: adkaksin@yandex.ru

KAKSIN Andrey Danilovich – Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher of Institute of Humanities Researches and the Sayan-Altai Turkology, N. F. Katanov Khakas State University, Abakan, Russia.

E-mail: adkaksin@yandex.ru

identification and description of the lexical and structural features of the reflection of the heroic vision of the world in language. The material of semantic and cognitive analysis was verbal lexemes expressing visual perception, collected by the method of continuous sampling from the text of the Khakas heroic legend *Albynchy*. In total, in the text we have 137 cases of linguistic implementation of the concept of «visual perception». Moreover, in the analyzed contexts, the active individual, respectively, the subject of perception, is the hero/heroine, therefore, in the study of perceptual processes, the position of these main epic heroes is considered, which is the cognitive aspect of this study. The relevance of our study is due to the insufficient study of the concept of “visual perception” in other Turkic languages, as well as the lack of work on the study of this concept on the material of folklore texts. The novelty of the study is that for the first time in the semantic-cognitive and linguoculturological aspects the heroic vision of the world is described on the basis of heroic legends as a fragment of the folklore-linguistic picture of the world.

In the Khakas language, the representation of visual perception, according to our information, is carried out by 10 verb units. However, the text of the heroic legend *Albynchy* uses only one verb **кӱр-** “look; see”, in some contexts its combination with another verb of visual perception **хара-**, characterizing the process of visual perception, can be traced. The study allows us to conclude that the verb **кӱр-** “look; see” has a rich lexical, grammatical, syntagmatic potential and provides all the necessary cognitive representation of the visual perception of the world in all its diversity. The folklore-linguistic system of the Khakas has a lot of unexplored, unsolved, and therefore interesting in terms of linguoculturological conceptual fields. We believe that this topic has a good linguistic potential and perspective for future research.

Keywords: the heroic legend *Albynchy*, Semen Prokopievich Kadyshchev, khaichi, hero, visual perception, concept, verb **кӱр-** “look; see”, semantics, compatibility, Khakas language.

Введение

Язык фольклорного текста, как средство формирования и хранения многовековой народной мудрости и национальной культуры этноса – носителя конкретного языка, представляет собой своеобразное и сложное стилевое построение в системе жанров устного народного творчества. Исследование данного языкового феномена, отражающего фрагменты национальной картины мира, позволяет выявить накопленные знания и исторические информации, имплицитные в границах данного жанра. «Язык фольклора – это система языковых единиц различного уровня, сложившаяся в процессе художественного творчества в пределах текста устно-поэтического произведения» [1, с. 17]. Памятники устного народного творчества характеризуются наличием традиционных готовых и обработанных способов их передачи из поколения в поколение. Однако здесь присутствует некая незначительная изменчивость коммуникативного плана. В процессе передачи фольклорных сокровищниц особую роль играют исполнитель и его слушатели. Эти слушатели впоследствии являются потенциальными исполнителями (рассказчиками) фольклорного текста. М. А. Венгранович пишет, что слушатель, на определённом этапе становясь исполнителем услышанного когда-то фольклорного текста, при его воспроизведении вносит в него – под воздействием новой ситуации и нового состава слушателей – свои изменения, таким образом создаёт новый вариант единого гипертекста [2, с. 64]. Об этом же пишет и известный фольклорист В. Я. Пропп: «Если читатель литературного произведения есть как бы лишённый всяких полномочий бессильный цензор и критик, то всякий слушатель фольклора есть потенциальный будущий исполнитель, который в свою очередь – сознательно или бессознательно – внесёт в произведение новые изменения» [3, с. 23]. Подтверждением сказанному является тот факт, что хакасское (и не только хакасское) исполнительское искусство дошло до нас посредством передачи из поколения в поколение. Почти все хакасские исполнители героических сказаний являются потомственными сказителями – *хайчы/хайджи*. Таким образом, отражающие мировоззрение конкретного этноса фольклорные образы с течением времени закрепляются определёнными словесными формулами: в некоторой степени происходит изменение в семантической тональности, грамматических и синтаксических формах. «Став средством формирования, существования и хранения канонического искусства, язык фольклора замедляет темпы изменений, что приводит к накоплению архаизмов различного типа, которые постепенно начинают осмысляться как средство эстетическое, а это отзывается на всех других ярусах устно-поэтической речи. Сложность в том, что система языка фольклора неоднородна» [2, с. 12]. Надо отметить, несмотря на различного рода трансформации фольклорного текста,

происходящие по требованиям времени, в целом остаются неизменными его идейная, внешняя и внутренние основы. С другой стороны, если в один период времени разные рассказчики исполняют определённое фольклорное произведение, то можно судить о его распространённости (популярности) и народности. В. Е. Майногашева считает, что «сбор нескольких сводных вариантов эпоса необходим не только для изучения творческой индивидуальности того или иного сказителя, но и для изучения творческой истории эпоса. Он мог бы помочь выявить, развивается ли эпос в данное время, относятся ли сказители к эпосу, как к произведению, которое законсервировалось, или продолжает развиваться» [4, с. 78]. Автор данных строк сожалеет, что хакасское героическое сказание «Албынчы» записано только от одного известного сказителя Семёна Прокопьевича Кадышева. Из-за отсутствия его сводных вариантов невозможно судить, насколько оно было популярным в народе [4, с. 78]. Но героическое сказание «Албынчы» было истинно народным произведением, о чём свидетельствует его содержание, где главным героем является богатырь Албынчы, сын злого богатыря Хулатая и чудовища – богатырши Узут Арыг. Он «с малых лет испытал страдания и лишения. Бедняк, не имеющий даже имени, он в поисках народного счастья» [5, с. 6]. Однако Албынчы всем сердцем любил свой народ и свою землю, ради них и боролся с чёрными силами. Сказание завершается победой Албынчы и ликованием освобождённого народа. Идейность содержания данного героического сказания отвечает на вопрос: кем же создавались эти памятники устного народного творчества: простым народом или верхушкой – аристократией общества тех древних времён. И Семён Прокопьевич Кадышев, подаривший новому поколению героическое сказание «Албынчы», был народным *хайджи*. Как описывают в Предисловии его первого издания В. И. Доможаков и И. С. Кычаков, в деревне по вечерам в каком-либо доме или в тёплое время года в юрте, собиралось много народа, чтоб послушать его песни и сказки. Его пение всегда сопровождалось звуками *чатхана* – хакасского семиструнного музыкального инструмента. Сам Семён Прокопьевич обычно говорил: «Для меня конь – чатхан. Путнику необходим конь, а сказителю – чатхан» [5, с. 5].

История записи и издания героического сказания «Албынчы» изложена в статье Т. Г. Тачеевой [6, с. 201]. Как мы знаем, в первые же годы после создания Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ХакНИИЯЛИ) научные сотрудники вели активную и плодотворную работу в плане подготовки и издания школьных грамматик и словарей. Также совершались многочисленные экспедиции в отдалённые деревни Хакасии с целью сбора языкового и фольклорного материала. В 1948 г. Семён Прокопьевич Кадышев (родился в деревне Трошкино Ширинского района) был приглашён ХакНИИЯЛИ в Абакан, поскольку среди других сказителей он отличался своей одарённостью и богатством репертуара. В первый же вечер в квартире директора института Николая Георгиевича Доможакова Семён Прокопьевич исполнил сказание «Албынчы» (в народе оно известно под названием «Хулатай»). Его слушали писатель-фольклорист А. Я. Гуревич, хакасский писатель, хороший знаток фольклора своего народа М. Е. Кильчицаков и др. А. Я. Гуревич слушал его очень внимательно. На второй день фольклорист снова попросил исполнить это сказание. Семён Прокопьевич снова исполнил сказание о популярном богатыре Албынчы. Было решено, что сказание нужно записать и издать на хакасском и русском языках. Сказание записал хакасский учёный, педагог Дмитрий Иванович Чанков. На русский язык перевел И. С. Кычаков. И это стало первым сказанием хакасского народа, опубликованным в русском поэтическом переводе. И в 1951 г. вместе со сказанием «Ах ой аттыг Алып Хан» («Хан Богатырь с бело-буланой лошастью»¹), записанным Н. Г. Доможаковым от сказителя Семёна Прокопьевича, был издан в одном сборнике [6, с. 201].

Глагольная репрезентация богатырского видения мира

В своей статье мы ставим целью семантико-когнитивный анализ, выявление и описание лексических и структурных особенностей отражения богатырского видения мира в языке. Материалом семантико-когнитивного анализа послужили глагольные лексемы, выражающие зрительное восприятие, собранные методом сплошной выборки из текста хакасского героического сказания «Албынчы». Всего в тексте мы насчитываем 137 случаев глагольной репрезентации концепта «зрительное восприятие».

¹ Перевод автора.

Во всех контекстах субъектом процесса зрительного восприятия выступает богатырь/богатырша, поэтому когнитивный аспект нашего исследования предусматривает видение мира с позиций главных героев нашего эпоса – богатырей. Анализ нашего материала показывает такие случаи выражения семантического субъекта в предложении:

А) Имя богатыря/богатырши: *Одырып Хан Мирген көр турза, / Куп төзектің алнында / Торғы көзеңе түс партыр* [7, с. 34] ‘Хан Мирген, сидит и видит, перед мягкой постелью, / Окачивается, упал шёлковый занавес’¹. *Алтын Теек ах өрге ибдең сых килген, / Алтын кірлөзінің ұстүнде / Мыны көріп турчададыр* [7, с. 47] ‘Алтын Теек вышел из белой ханской юрты, / на золотом крыльце / Стоит и смотрит на всё это’. Большая часть примеров с глаголами восприятия представлена такими повествовательными предложениями, т. е. в виде художественных описаний от лица говорящего – наблюдателя.

Б) Грамматические средства, в частности, личные синтетические формы сказуемости, при этом «сказуемость является речевым выражением акта мысли и потому составляет основу предложения» [8, с. 16]. Как показывает наш материал, в выражении зрительного восприятия представлены все три формы лица, но превалирует, в основном, форма третьего лица единственного числа. Показатели первого и второго лица указывают на то, что действие (в нашем случае, зрительное восприятие) совершается говорящим, это значит, что в тексте слова богатыря/богатырши включаются в прямую речь: *Хан Чачах нандыр тур: – Улуг ойынга парзанча, Албынчы абаамның / Ах хуу тайағын паза ай ұлғұзі меспегін көрерчікіс* [7, с. 101] ‘Хан Чачах отвечает: – Чем идти на большое состязание, мы бы посмотрели белую трость и луноподобную булаву дяди Албынчы’. *Хулатай тура сегірген: – Адыр тохта, ала хас, / Синдег ала хасты мин / Алында даа көрчеңмін* [7, с. 30] ‘Хулатай вскочил: – Ну, погоди, пёстрый гусь, / Таких пёстрых гусей, как ты, / Я видел и раньше’.

В) Если же субъект не называется в предложении, то обширный контекст, однозначно, подразумевает его присутствие: *Көзеңені көдіріп көрібіссе, / Хыс кізі узунчадыр* [7, с. 34] ‘Подняв занавес, видит, / Спит девушка’. *Құмұс осхас сөбіктері, күнге сұсталып, / Анда көрініп, анда чадыпчададыр* [7, с. 112-113] ‘Сверкая на солнце, [его] серебристые кости **виднеются** там (букв. виднеясь, там лежат)’. Подобные предложения, являясь незаконченным высказыванием, представляют собой часть широкого контекста – описания одной ситуации или события.

Среди пяти видов восприятия человеком окружающего мира (зрение, слух, обоняние, вкус, осязание) наиболее действенным считается зрительное восприятие. Человек получает значительный объём информации из внешнего мира благодаря способности видеть. Помимо того, в освоении человеком окружающего мира «зрительное восприятие является одним из основных каналов приёма, обработки и передачи информации» [9, с. 140]. Языковая репрезентация зрительного восприятия также характеризуется разнообразием лексических обозначений, особенно, в глагольной сфере. Тем самым глаголы со значением зрительного восприятия отражают один из наиболее важных для человека видов перцептивной деятельности – восприятие окружающего мира органом зрения – глазами. В хакасском языке базовым глаголом со значением зрительного восприятия является *көрерге* (*көр-*): 1) видеть; обладать зрением; 2) смотреть, глядеть, воспринимать зрением *что-л.*; 3) присматривать, ухаживать за *кем-л.*; 4) испытывать, переносить, претерпевать, переживать *что-л.*; 5) сознавать, понимать *что-л.*; 6) находить, считать *кем-л.*, *чем-л.*, принимать за *кого-л.*; 7) в качестве вспомогательного глагола обозначает, что действие совершается для пробы; 8) вводное слово (выражает иронию): *көріңердек се аны* посмотрите-ка на него; 9) *вводное слово* (обозначает источник высказываемой мысли; *мин көргенде* на мой взгляд [10, с. 205-206]. Данный глагол в различных фонетических вариантах представлен во всех тюркских языках (тув. *көөр-*; як. *көр-*; кырг. *көр-*; азерб. *gör-*; тур. *qör-* и т. д.), где его первоначальное значение «смотреть, видеть» получило семантическое развитие в вариантах: «испытывать», «ухаживать», «считать», «оценивать». Однако в Древнетюркском словаре семантика данного глагола представлена несколько иначе: 1) видеть, смотреть; 2) повиноваться, подчиняться; 3) испытывать, иметь; 4) слушать, воспринимать; 5) загадывать; 6) в *знач. служ. глаг.* [11, с. 317].

¹ Здесь и далее – перевод автора.

Семантико-синтагматические способы выражения зрительного восприятия глагола *кӧр*-«смотреть; видеть»

Для описания перцептивного действия в тексте героического сказания «Албынчы», почти во всех (как было отмечено выше, в 136 из 137) случаях используется глагол *кӧр*-«смотреть; видеть», исключение составляет только один пример с глаголом *пахла*- в значении «высматривать».

Наиболее часто встречается данный глагол с аффиксом условного наклонения *-са/-се; -за/-зе*: *Сызара ойлап киліп, кӧрбіссе, / Аран-чула хара хула ат / Ат сомы ах тас пол парыбыстыр* [7, с. 14] ‘Когда, выбежав, **посмотрел**, / То богатырский вороной конь, / Оказывается, превратился в белый камень лошадиной формы’. *От отахтың кистіне пас киліп, кӧр турза, / Ыс азыр настыг ах сип ӧс парған турча* [7, с. 25] ‘Когда обошла шалаш, **видит**, / Что выросла белая сарана с тремя вершинами’.

Выражение отношений обусловленности условными конструкциями – придаточными частями простых и сложных предложений – это частое явление в тюркских языках. «Форма на *-са* обслуживает блок темпоральных конструкций, выражая временные отношения между событиями; и блок конструкций обусловленности, передавая семантику условия совершенного действия» [12, с. 95-96]. Подобные предложения в функционально-синтаксическом аспекте активно исследуются в сибирских тюркских языках [13, 14 и др.]. Условные зависимые конструкции с формой на *-са* (в нашем случае – с глаголом *кӧр*-«смотреть; видеть») в составе сложноподчинённых предложений не всегда передают семантику причинную, временную связанность двух событий. В Грамматике хакасского языка отмечается, что глаголы *кӧр*-«смотреть; видеть» и *ис*-«слушать; слышать» в форме условного наклонения могут передавать действия относительно настоящего времени, не являющегося условием: *Иссем: аны адабинчалар* (ЛЧ) – **Слышу**: его не называют. *Чахсы кӧр кӧрзе: сосхалар* (МО) – **Когда посмотрел** хорошенько: свиньи. Иногда значение настоящего времени в этих случаях усиливается добавлением к основе аффикса настоящего времени *-чат/-чет*: *Кӧрчетсем: хойнында толдыра книгалар* (ЛЧ) – **Смотрю**: полные руки книг. *Истінчетсе, избертін ун истілче* (ЛЧ) – **Слышит**: из дома слышится голос [15, с. 193]. Наши примеры из героического сказания «Албынчы» подтверждают данный тезис: субъект является непосредственным свидетелем происходящего действия, т. е. действие происходит на его глазах: *Чарых Кӧӧк хыс, оңнап, сынап, кӧр турза, / Кун харагы, чабырылып, түс пари, / Иир тузы кил чидібістір* [7, с. 29] ‘Девушка Чарых Коок спохватилась и **видит**, / Что солнце ушло вниз, / И наступает вечер’. *Алтын чечне тӧзіне пас киліп, кӧр турза, / Хара хула ат чит киліп турча* [7, с. 55] ‘**Когда** [он], подойдя к золотой коновязи, **посмотрел**, / Вороной богатырский конь, вернувшись, стоит’. *Алтын Поос кӧр турза, / Хулатайның хара хула ады пу тур салтыр* [7, с. 56] ‘**Когда посмотрела** Алтын Поос, / Оказывается, стоит богатырский вороной конь Хулатая’. *Анаң, кӧріп турза, / Хулатайның хара хула ады мында турытча* [7, с. 56] ‘Затем **смотрит**, / Вороной богатырский конь Хулатая стоит здесь’. Как видим из приведённых примеров, глагол *кӧр*-«смотреть; видеть» в форме на *-са* является связующим звеном между главным и придаточным (зависимым) частями предложения (когда посмотрел, ...), ориентированным на указание какого-либо определённого события или явления. Событие же происходит вне зависимости от семантического субъекта, который является только его свидетелем.

Глагол *кӧр*-«смотреть; видеть» в качестве основного предиката придаточной части предложения часто принимает аффикс совершенного вида *-ібіс-*, вносящего в его семантику неожиданность и завершённость действия. Главная же часть сложноподчинённого предложения описывает различные картины, внезапно представшие перед взором богатыря/богатырши. Это может быть:

а) один из персонажей героического сказания: *Алып Хан Хыс кӧрбіссе, <...> / Арыз сіліг ир пала тур салтыр* [7, с. 56] ‘**Когда** Девушка Алып Хан **посмотрела**, <...> / Стоит красивый мальчик’. *Хулатай, тулагазын аза тартып, кӧрбіссе, <...> / Тіріг ле хорғыстыг ниме турчадыр* [7, с. 48] ‘**Когда** Хулатай, открыв забрало, **посмотрел**, <...> / Стоит очень страшное чудовище’;

б) какое-либо событие или ситуация: *Алып Хан Хыс чачазы кӧрбіссе, / Хан Мирген хайдазда нимені / Кӧдіріп кир килген* [7, с. 36] ‘**Когда** [его] тётя богатырша Хан Хыс **посмотрела**, / Хан Мирген с собой что-то / Заташил в дом’. *Олар, ізік азып, кӧрбісселер, / Хара хула аттыг*

Хулатай иніп тўс кили, / Ахсына ах хозан ызырын салтыр. / Ах хозан ызырын салган тін көрзелер, / Ээгінің сагалы хурчаңаа чит парыбысхан [7, с. 122-123] '**Когда** они, открыв дверь, **посмотрели**, / Хулатай на своём вороном коне скачет со стороны хребта, / Во рту держит белого зайца. / Когда им показалось, что у него во рту белый заяц, / На самом деле оказалось, что его борода выросла до пояса';

в) результат какого-либо свершившегося действия: Тўн Хара **көрібіссе**, сарсых харахтыг тас / Уғаа чабал сырайлыг пол парыбыстыр [7, с. 80] '**Когда** Тун Хара **посмотрел**, одноглазый слуга / Превратился, оказывается, в чудовище'. Алып Хан Хыс, ізік азып, **көрібіссе**, / Ыс азахтыг хара ниш <...> / Орты хабыргача хара чирге кире тўс парған тур [7, с. 58] '**Когда** Девушка Алып Хан, открыв дверь, **посмотрела**, / Трёхногая чёрную кобылицу <...> / Засосала в землю до половины рёбер'.

Отличительной особенностью рассмотренного зрительного восприятия богатырей является то, что для них объект восприятия бывает неожиданным. Данный признак обозначается соответствующими грамматическими и синтаксическими средствами:

а) аффиксом совершенного вида -ібіс-. Пас частыгын **көрібіссе**, / Ах хуу тайахтың орнына хуу хобырах, / Алтын меспектің орнына тўк меспек [7, с. 105] '**Когда** **посмотрел** в сторону постели, / Вместо серой трости – серая дудочка, / Вместо золотого мяча – шерстяной мяч';

б) формой прошедшего заглазного действия на -тыр сказуемого главного предложения, обозначающей «действие, совершившееся в неопределённом прошлом времени вне наблюдения говорящего» [15, с. 219]. Богатырь же узнаёт (или догадывается) об этом, «сопоставив ряд факторов, косвенно указывающих на совершение действия (момент умозаключения)» [15, с. 219]. Обычно такие формы переводятся на русский язык как «оказывается»: Хулатай, ноо нима тапсапча тін, **көрібіссе**, / Ызут Арыг, пу **турып алтыр** [7, с. 62] '[Он] **посмотрел**, [чтоб узнать], с кем разговаривает Хулатай, [и увидел], **оказывается, стоит** Узут Арыг';

в) синтаксическими средствами описания каких-либо действий богатыря, предшествующих его зрительному восприятию объекта: Аны хаап, Хулатай **сыгара ойлаан**, / **Көрібіссе**, ала хас иртіре учух парыбыстыр [7, с. 31] 'Схватив его, Хулатай **выбежал**, / И увидел, оказывается, пёстрый гусь уже пролетел мимо'. Ала хас хустың аңдарылған чиріне / **Чит киліп**, **көрібіссе**: <...> / Арыг сіліг хыс орта-чара атырыбысхан чадыр [7, с. 31] '**Когда** он **подошёл к месту**, / где упал пёстрый гусь, / Видит: лежит красивая девушка, раненая'.

Глагол **көр-** «смотреть, видеть» ещё может служить условным показателем связи между придаточным и главным частями предложения в аналитической форме: в сочетании с вспомогательным глаголом **тур-** «быть», подчёркивающим длительность зрительного акта. Также аналитическое сочетание **көр(ін) турза** (смотрит, ...) предполагает в качестве объекта различные картины, доступные взору субъекта (богатыря). Это может быть:

а) селение, ханская белая юрта, ханский дворец: **Көр турза**, от отахтың орнында / Алты азыр пастыг **ах өрге турча** [7, с. 27] '**Смотрит**, на месте травяного шалаша / **Стоит** белый ханский дворец с шестью башнями'. Иди **көріп турза**, ікіншізігі турча [7, с. 74] 'Тогда [он] **увидел** вторую **дверь**';

б) пейзаж: **Көр турза**, хастах пастыг / **Час тайга** турыпчададыр [7, с. 33] '**Смотрит**, черноголовая / Молодая **тайга** кругом (букв. **стоит**)'. Аархы сарин харап, **көрібісселер**, / Ах чазы хуба **сдл турыпчадыр** [7, с. 77] '**Когда** **посмотрели** в дальнюю даль, / Белая безжизненная **степь** лежит';

в) необычное явление – один из персонажей героического сказания: Хан Мирген амды **көріп** турыбысхан. / **Көріп турза**, ўс азахтыг хара нише алтан салған / Уғаа **хорыстыг** нима турча [7, с. 40] 'Хан Мирген встал и **смотрит**. / Видит, верхом на трёхногой чёрной кобылице / **Страшное чудовище** **стоит**';

г) результат свершившегося действия: Оңнап-сынап **көр турза** Албынчы, / Тогыс хулас сынныг хара хула атха / Алтан салған адазы Хулатай **килібістір** [7, с. 106] 'Албынчы **смотрит** и **догадывается**, / Оказывается, **приехал** [его] отец Хулатай, / На [своём] девятисаженном вороном коне'.

В таких предложениях часто описываются действия богатырей, хронологически предшествующие их зрительному восприятию какого-либо объекта. Объектом зрительного восприятия

выступают описания каких-либо событий и ситуаций. Действия же богатырей совершаются для создания более благоприятных условий для этого восприятия, например:

а) подойти поближе и посмотреть: *Пас киліп, көр турза, / Хан Мирген иренчі тудызып турлар* [7, с. 56] ‘Когда, подойдя, посмотрел, / Хан Мирген дерётся с супругой’;

б) открыть дверь (или выйти из юрты) и посмотреть: *Албынчы, ізік азып, көріп турза, / Хас-хачанда ах чазыда урунган / Ах Ханның палазы – ах ой аттыг / Ай Мирген, иніп, тус килир* [7, с. 123] ‘Когда Албынчы, открыв дверь, посмотрел, / [Стоит] Ай Мирген на бело-сивом коне, / Сын Ах Хана, / Которого он когда-то встречал в чистом поле, / Идёт со стороны хребта’;

в) зайти в белую ханскую юрту и посмотреть: *Арыг кўннің харагы сыхханда, / Хан Мирген ах өргезінең сығып, / Алып Хан Хыс пичезінің / Ах өргезіне кіріп, көр турза, / Кичее хайди чатхан Хулатайнаң Алып Хан Хыс, / Сах ідők хучахтасханнаң узунчададырлар* [7, с. 67] ‘Когда взойшло солнце, / Хан Мирген, выйдя из своей белой юрты, / И, зайдя в белую юрту [своей] сестры Девушки Алып Хан, / Видит, / Как вчера, лежали Хулатай с Девушкой Алып Хан, / Сегодня точно также спят, обнявшись’.

Чуть реже, чем в форме условного наклонения, глагол **көр-** «смотреть; видеть» употребляется в качестве деепричастия путём присоединения к основе соединительного аффикса *-in*. Как и в случае функционирования в форме условного наклонения, глагол **көр-** «смотреть; видеть» в качестве деепричастия (*көріп* «смотря; увидев») служит соединительным звеном главной и зависимой частей сложноподчинённого предложения. *Ўзүт Арыг ічезі көр салып, тура сегірді: / – Иркем-кинчем, Албынчы, / Пу чирге чидібők килдің ме?* [7, с. 118] ‘[Его] мать Узут Арыг, увидев, соскочила: / – Душа моя, Албынчы, / Ты тоже добрался до этой земли?’.

Употребление глагола **көр-** «смотреть; видеть» в роли деепричастия, связывающего главную и зависимую части сложноподчинённого предложения, может указывать на то, что описываемые в них действия происходят одновременно: *Пу чуртха амды читтім, / Хыс паланы пу чуртта көріп, / Арға чонга той идерге сағып турбын* [7, с. 97] ‘Я сейчас добрался до этого дома, / Смотря на девушку в этом доме, / Я намереваюсь устроить пир для трудового народа’. *Төңіс талай сугны көріп, турыбыстылар* [7, с. 70] ‘Стоят и смотрят на большую широкую реку’.

Однако чаще деепричастие *көріп* «смотря; увидев» выражает действие, предшествующее действию, выражаемого основным глаголом в главной части предложения, т. е. выражаемое им действие является причиной совершения другого действия. Об этом же пишет А. Д. Каксин: «Процесс восприятия мира и окружающей действительности является основным видом жизнедеятельности человека. Другие виды его деятельности: мыслительная, эмоциональная, трудовая, поведенческая и др., являются вторичной формой взаимодействия с внешним миром; изначальной же формой является его восприятие явлений и фактов действительности, которые могут послужить для дальнейших его действий» [16, с. 163]. Тем самым зрительное восприятие некоего объекта влияет на психическое состояние богатыря/богатырши, и увиденное может вызывать:

а) определённые эмоции: *Аны көріп, аны піліп, Алтын Көők Хыс / Харах чазын хан ит турадыр, / Харых суун нус ит турадыр* [7, с. 14] ‘Девушка Алтын Коок, / Увидев это и поняв в чём дело, / Сильно рыдала (букв. слёзы превращает в кровь, / Жидкость из носа превращает в лёд)’. *Алыитарның сөдгін көріп, / Харах чазын хан ит турадыр, / Харых суун нус ит турадыр* [7, с. 113] ‘Увидев кости богатырей, / Сильно рыдает (букв. слёзы превращает в кровь, / Жидкость из носа превращает в лёд)’. *Хан кізі, Кілің хан / Ирнің чахсызы Албынчыны көріп, / Хорых турадыр, чалтан турадыр* [7, с. 97] ‘Увидев мужчину – молодца Албынчы, / Килин Хан / Побаивается и страшится’. *Ікі алып, хара хула атты көріп, / Анда таңнап, чапсып тур халдылар* [7, с. 70] ‘Два богатыря, увидев вороного богатырского коня, / Стоят, удивляясь и восхищаясь’;

б) активацию мыслительных способностей: *Ирнің күлүгі Хан Мирген, / Игір обааны көріп, сағып тур: / Ибінің ээзі пар полза, / Суга парган полбас па за* [7, с. 33] ‘Молодец – мужчина Хан Мирген, / Смотрит на белую стелу и думает: / Если хозяин дома здесь, то наверно ушёл за водой’;

в) высказывания богатырей об увиденном: *Арғалыг сынға сығара ойлат пари Хан Мирген. / Алыитар көріп, түкүріктері ам на тоолас тур: / – Хан Миргенек не хайдаг, – тісчелер* [7, с. 45]

‘Хан Мирген на коне скачет в гору. / **Смотря** на него, богатыри слюнями брызжат, / и **говорят**: – Это разве Хан Мирген’.

Как свидетельствует наш материал, богатыри/богатырши на определённые явления и события в окружающем мире большей частью реагируют на эмоциональном уровне. Описания же воздействия объекта на их мыслительные, физические и другие рецепторы представлены лишь по одному примеру.

Деепричастная форма глагола **көр-** «смотреть; видеть» (*körin*) также может обозначать действие, совершающееся одновременно с действием, выраженным главным глаголом. *От отахтың істінде / Чадыпчатхан хыс пала, / Харааң көріп, азааң пазып, / От отахтаң сығып килерзің* [7, с. 23] ‘Девочка, лежащая в травяном шалаше, / **Открыв глаза** и наступая ногами, / **Выйдешь** с этого шалаша’. *Албынчы айап турадыр, / Ічезі осахс Ай Арыгны көріп* [7, с. 120] ‘Албынчы, **смотря** на Ай Арыг, / **Жалеет** её’.

Глагол **көр-** «смотреть; видеть» активно участвует в формировании различных императивных выражений, как составной части речевой коммуникации богатырей. Данный глагол также используется в слитном написании побудительной частицы *-дек*: *көрдек* (которая соответствует русскому «-ка, ну-ка»: *посмотри-ка*) и выражает смягчённое приказание или настойчивую просьбу, что предполагает форму второго лица единственного числа. Мы отмечаем следующие характерные особенности использования глагола *көрдек* «посмотри-ка» в предложении:

а) употребление в составе прямой речи, что представляет собой призыв посмотреть на что/куда-либо: *Көрдек, Хан Мирген, алтын чечпе тәзінде / Аран-чула ат читкен осахс* [7, с. 55] ‘**Смотри-ка**, Хан Мирген, возле золотой коновязи / Богатырский конь вернулся, оказывается’. *Харахтыг кізі, син көрдек, / Мынча чыылган алыпта тізі кізі пар ба?* [7, с. 82] ‘Ты зрячий человек, **посмотри-ка**, / Среди собравшихся богатырей есть ли женщина?’;

б) обращение к богатырю/богатырше по имени в диалоговой речи: *Пиче кізі, Алып Хан Хыс, көрдек, / Хулатай хайди чабаллан тур* [7, с. 65] ‘Сестра, Девушка Алып Хан, **посмотри-ка**, / Как гневается Хулатай’. *Көрдек, Хулатай, Алып Хан Хыс ничем / Пістің ойнап чоохтааныбыс-ха тарын тур* [7, с. 65] ‘**Посмотри-ка**, Хулатай, [моя] сестра Девушка Алып Хан / Как злится из-за наших шуток’;

в) в зависимой части предложения описывается рекомендуемый объект зрительного восприятия: *Алган кізім, Кілің Арыг, көрдек тігіні: / Тигір тәзінде хара пұлут сыгара чачырады* [7, с. 99] ‘[Моя] суженая, Килин Арыг, **посмотри-ка** вон туда: / На горизонте появилось чёрное облако’.

Следующий вариант выражения просьбы и мягкого побуждения оформляется аффиксом *-зең* (*көрзең* «посмотри»): *Көрзең мыны, пу айнаны, / Мындаг чаксы паланы согып тур* [7, с. 56] ‘**Посмотри** на этого чёрта, / Бьёт такого хорошего ребёнка’. *Көрзең, оол, мына хайдагзың, – тіп одыр, / Харахтыг тас көстіксер көрібіссе, / Хайдаг-хайдаг чабал тас турчададыр* [7, с. 92] ‘**Смотри**, каков ты, парень, – говорит, / Когда зрячий слуга посмотрел в зеркало, / Увидел, стоит безобразный слуга’.

Нам встретился только один пример с вводным выражением *көрчезің аны* «посмотри-ка на него...»: *– Міні тастап чөрзің! – тидір, / – Көрчезің аны: / Харагы чох позымны тастап, ойлап тур* [7, с. 83] ‘[Ты] бросаешь меня! – говорит, – **Посмотри-ка на него**: / [Он] убегаёт, бросая меня, незрячего’. Обычно такие конструкции используются для привлечения внимания присутствующих свидетелей. Но их не следует рассматривать как «непосредственное обращение к присутствующим (конкретным или обобщённым адресатам), поскольку говорящий не ожидает от них ответной реакции. Наиболее актуальным здесь является выражение характеристики и оценки определённого социального объекта. А семантика одобрения или негативного утверждения (осуждения) подобных высказываний определяется контекстом» [17, с. 80].

Так же в императивном высказывании глагол **көр-** «смотреть; видеть» выражает строгий и настойчивый наказ с оттенком категоричности: *Ўзут Арыг ічеңні тудып алзаң, / Минің чоогым ис, көр, чир дее дөірбессің* [7, с. 114] ‘Когда встретишь [свою] маму Узут Арыг, / [Ты] слушайся меня, **смотри**, не убивай её’. Императивная форма рассматриваемого глагола *көр!* «смотри!» теряет свое основное визуальное значение и используется для привлечения внимания адресата. «Дополнительным оттенком таких высказываний является также интонация, рассчитанная на

то, чтоб заставить адресата обратить особое внимание на положение дел и помнить об этом» [17, с. 81].

В героическом сказании «Албынчы» глагол **көрін-** «видно; виднеться», образованный от **көр-** «смотреть; видеть» при помощи аффикса возвратного залога *-ін-*, используется только в двух случаях:

а) если взору богатыря доступны открытые, обширные территории (например, степи): *Тигір тбзі ыраххы чирге / Читіре харап турадыр. / Харахтың оды читкен чир, / Харалып, сиіліп көрінчедедір, / Харахтың оды читпеең чирге, / Ах тубан, көк тубан ораалчададыр* [7, с. 17] ‘Смотрит до далеко лежащего горизонта. / Всё, что видно вдалеке / Чернеет, / А то, что не видно вдалеке / Покрыто белым и синим туманом’. *Харахтың оды читкен чирлер, / Харалып, сиіліп көрінчедедір, / Харахтың оды читпеең чирлер / Ах тубан, көк тубан ораалып көрінчедедір* [7, с. 11] ‘Места, доступные глазам, (букв. места, куда достаёт зрение), / Чернея, видны на горизонте, / Места, недоступные глазам, / Видны, как будто покрыты белым и синим туманом’;

б) если богатырь обозревает конкретный объект, расположенный на большом расстоянии: *Хан Мирген көрінчесте, / Хайзы-хайзы чирде / Аргалыг ах сын көрін турадыр, / Хан поэыха ат ол чирге читіре ойлаан* [7, с. 43] ‘Хан Мирген видит, / Далеко-далеко / Виден высокий белый хребет. Богатырский рыжий конь поскакал туда’. *Хайзы-хайзы чирде / Тбңіс талай суғ <...>, / Анда, чылтырап, көрінчедедір* [7, с. 70] ‘Где-то далеко-далеко / Видна, отражая блеск, / Широкая большая река’. В этих примерах детализируется дальность расположения объекта зрительного восприятия: широкая большая река и дальний горизонт.

Глагол **көр-** «смотреть; видеть», как и в других тюркских языках, в силу своей частотности, может развивать и переносные значения, что отразилось и на материале исследуемого героического сказания. Анализ нашего материала показал следующие переносные компоненты в семантической структуре данного глагола:

а) «догадываться»: *Албынчы көр турза, / Ай Мирген угаа чахсы, / Ах сагыстыг кізі осхас* [7, с. 78] ‘Албынчы **показалось**, / Ай Мирген очень хороший, / Чистосердечный человек’;

б) «решать»: – *Эк, иркем-кинчем, Хан Чачах, / Чарир ба, чарабас па нимені / Хайди көрербіс, – тіпче Кілің Арыг* [7, с. 101] ‘Эк, душа моя, Хан Чачах, / Можно ли это [делать] или нельзя / **Посмотрим** [решим]’;

в) «заботиться»: *Хан Чібек Арыг алынча ах брге тургызып, / Ікі оолны анда көрін, азырап-чададыр* [7, с. 64] ‘Хан Чибек Арыг, поставив отдельно белые юрты, / Там **заботится** о них’;

г) «встречать»: *Мынча чыыл парган алыптар, / Хулатайны кем көрген, / Көрген кізі пар полза – табырах сөлебис* [7, с. 44] ‘(Так много) собравшиеся богатыри, / Кто **встречал** (букв. видел) Хулатая, / Если кто-то его **встречал**, отзовитесь быстрее’;

д) «родить»: – *Ай Арыг аның абахайы / Хараагы тун полганда, / Синніг нименің сині чидіп, / Тустыг нименің тузы чидіп, / Ала маңыс хыс пала көрінібіскен* [7, с. 17] ‘Его красавица Ай Арыг, / Когда наступила тёмная ночь, / Ведь всё происходит своевременно, / **Родила** белолицую девочку’. *Иней – хурайлар чыыл килген / – Ызут Арыг көрінібіскен: / Ала маңыс оол пала* [7, с. 51] ‘Старики собрались / Узут Арыг **родила**: / Белолицый мальчик’. Значение «родить» реализуется в случае присоединения к глаголу **көр-** «смотреть; видеть» показателя возвратного залога *-ін-*: **көрін-**. Базовые перцептивные глаголы во всех языках являются многозначными, однако контекст позволяет им максимально точно отразить все оттенки восприятия.

Употребление глагола **көр-** «смотреть; видеть» в значении «пробовать» – частое, зафиксированное в словарях, явление как в хакасском, так и в других тюркских языках. В данном случае он выступает вторым компонентом в аналитическом образовании, при этом теряет своё основное значение. Действие, совершаемое человеком или другим живым существом для пробы, может обозначаться любым антропоцентричным глаголом. В тексте героического сказания «Албынчы» все действия, обозначаемые этими глаголами, относятся к коммуникативной сфере персонажей. В частности, эти сложные глаголы формируют обращения к собеседнику с целью побуждения к какому-либо действию. Форма повелительного наклонения второго лица в единственного числа характеризуются отсутствием аффиксов: *Іченің аниин улезерге килдім, / Айланып сых көр амды!* [7, с. 106] ‘Я пришёл делить богатство матери. Теперь **попробуй выйди!**’. *Син, харахтыг кізі, пар, / Хатыңның сыйығын көр көр* [7, с. 91] ‘Ты, зрячий человек,

посмотри-ка на подарок жены'. *Харахтыг кізі, син пурун кѳдѳр кѳр* [7, с. 84] 'Зрячий человек, сперва ты **попробуй подними**'. *Че, харахтыг тазым, син ат кѳр* [7, с. 85] 'Ну, [мой] зрячий слуга, ты **попробуй стрельни**'.

Глаголы с **кѳр-** в значении «пробовать» в высказываниях героев, оформленных прямой речью, могут принимать аффиксы будущего времени и первого или второго лица. *Че, Харахтыг тазым, арға-мѳрѳй пісті полды, / Ханзар-пигзѳр пар кѳрең, / Алтын Арыг хызын хайзыбысха пирчең, сур кѳрербіс* [7, с. 89] 'Ну, [мой] зрячий слуга, мы победили на состязании, / Давай **попробуем** пойти к хану, / И **попробуем спросить**, кому-то из нас отдаст ли свою дочь Алтын Арыг'. *Че, Чил Хара Хызым, улуг аалга иніп, Улуг той ит кѳреең* [7, с. 85] 'Ну, [моя] Чил Хара Хыс, давай пойдѳм в селение и **попробуем устроить** пир'. Актуальный смысл таких предложений содержит побуждение адресата к какому-либо совместному действию. Как видим, все сложные глаголы с **кѳр-** в значении «пробовать» используются в высказываниях персонажей героического сказания, формируя прямую речь. Исключение составляет только один пример, где сложный глагол **тут кѳр-** «потрогать; попробовать подержать» с аффиксом условного наклонения *-зе* замыкает придаточную часть сложноподчинѳнного предложения: *Аннаң айланым, Албынчы / Алған кізізі Кілің Арыгны тут кѳрзе – ѳліп партыр* [7, с. 105] 'Вернувшись, Албынчы / Потрогал [свою жену] Килин Арыг, а она умерла, оказывается'.

Отрицательный аспект процесса/действия в хакасском языке обозначается рядом грамматических средств. В тексте героического сказания отсутствие возможности видеть окружающий мир обозначается при помощи:

а) аффикса отрицания *-ба/бе*. Как отмечает М. И. Черемисина, этот аффикс, единственный (со всеми своими закономерными морфонологическими вариантами), встраивается в глагольную словоформу в позиции перед аффиксами времени – наклонения, начиная собою цепочку позиций, принадлежащих словоизменительным грамматическим категориям [18, с. 3]: *Кѳрбеең саринаң Хан Мирген, / Харагына тѳкѳрік сѳртклеп, / Харагын хызарта чыс турадыр* [7, с. 46] 'Хан Мирген, пока никто не видел, / Помазав слѳнями глаза, / Протирает их докрасна'. *Кізі кѳрбеең саринаң хан поэрах атты / Азахнаң холтыхти тепклеп, / Хылчыгастап тазып парадыр* [7, с. 43] 'Тайком, пока никто не видит, / По бокам сдвливает ногами / И пинает коня';

б) аффикса отрицания при деепричастном компоненте сложного глагола. *Хулатай, изірігі улуг – кѳрбин халган, / Албынчы Ызут Арыг ічезін, хаап, / Сѳзіріп, сыгар парыбысхан* [7, с. 118] 'Хулатай был сильно пьян и не увидел, / Как Албынчы схватив [свою] мать Узут Арыг, / Поволок на улицу'. *Чуртир пістің чирібіс хара хайаның істінде, / Айның-кѳннің чарыгын кѳрбеспіс, / Хадарған малның агын-сагын чібеспіс, / Хара настыг чонның харагын кѳрбеспіс* [7, с. 87] '[Наша] земля, где мы будем жить, внутри чѳрной скалы, / [Мы] не увидим свет солнца и луны, / Не увидим глаз черноволосого народа'. *Хан Миргеннің ікі хараана / Ниме кѳрінмин одырадыр, / Ікі хулахха ниме истілбин одырадыр* [7, с. 45] 'Хан Мирген ничего не видит (букв. в [его] два глаза ничего не видно), / Ничего не слышит (букв. в [его] два уха ничего не слышно)';

в) аффикса отрицания, встроенного в структуру второго (вспомогательного) компонента глагольной словоформы: *Хулатай, турып, ах ѳрге ибдең сыгып килді, / Чарых Кѳѳк туңмазын кѳртаппин тур* [7, с. 29] 'Хулатай встал и вышел из белой ханской юрты, / Не может найти (взглядом) [свою] сестрѳнку Чарых Коок'. *Ала харахтаң ниме кѳр таппин, / Аран-чула хан поэрах аттың / Чар полған ахсын чайхабысхан, / Чазы полған пунта хамчы салыбысхан* [7, с. 38] '[Он] ничего не смог увидеть, / И, натянув узда рыжего богатырского коня, / дѳрнул плетью его бока'. *Тѳңіс талай суғны пір хыринаң / Пір хырина читіре кѳр полбады ікі алып* [7, с. 70] 'Два богатыря не смогли увидеть / Края большой широкой реки';

г) формы именного отрицания: *Чиріс Моке чидіп килзе, / Аны кѳрчең ікі хараам / Чогыл ноза минің* [7, с. 88] 'Когда Чирис Моке доберѳтся [до нас], / У меня нет зрения (букв. нет двух глаз), / Чтоб увидеть его'. *Харагы чох тас / Сурынганына кѳрбеең, / Алданганына хайбаан, / Ай чалбагы молаттың тѳзін сѳге тартып, / Окне-чѳрегін кизе сапхан* [7, с. 89] 'Незрячий слуга / Не обратил внимания (букв. не видел) на [его] просьбу, / Топором, похожим на луну, / Отрубил [его] внутренности (букв. сердце-лѳгкие)'. Когнитивной моделью недоступности или невозможности зрительного восприятия могут быть дальность расстояния между субъектом и объектом, какая-либо физическая преграда, субъективный фактор отключения внимания субъекта.

Второй глагол, встречающийся в тексте героического сказания, – **хара-** в соответствующих фонетических вариантах функционирует во всех тюркских языках и в монгольском языке. Более подробно семантические особенности данного общетюркского глагола описаны в монографии М. Д. Чертыковой [17]. В Хакасско-русском словаре семантическая структура хакасского глагола **хара-** представлена таким образом: «1) пристально смотреть, всматриваться; *тигір харирга* всматриваться в небо; 2) обозреть *что-л.*; *ыраххы чазыны харирга* обозреть далёкую степь; 3) обращать внимание, (издали) наблюдать; присматривать, смотреть за кем-л.; *пала харап одырарга* присматривать за детьми; *мал харап чөрерге* смотреть за скотом; $\diamond$ *чир харирга* опустить (понурить голову)» [10, с. 813]. В тексте героического сказания данный глагол употребляется в сочетании с базовым глаголом **көр-** «смотреть; видеть». Принимая дееспричастный аффикс *-п*, глагол **хара-** выполняет роль, характеризующую процесс зрительного восприятия, а глагол **көр-** принимает на себя основную смысловую нагрузку. Надо отметить, аналогичное явление в среде перцептивных глаголов встречается и в других тюркских языках, например, в тувинском языке глаголы **бакы-** и **коор-**: *бакылаар, бакылап коор* «выглянуть (посмотреть откуда-либо); выглянуть из окна *соңгадан бакылап коор*» [19, с. 96]; в якутском языке *быгылааа-многокр. от бык-*; *быгылааан көр-* «выглядывать»; *быгыахтаа- разд.-кратн. от бык-* «высываться, выглядывать (*поминутно или то тут, то там*)» [20, с. 91]. С. А. Моисеева пишет: «Синкретизм лексем и вторичную сигнификацию порождает обработка сигнала от внешнего мира, которая проходит с одновременным участием нескольких каналов, ведущих к различным рецепторам в мозгу, следствием чего является переход от одного сенсорного модуса к другому или их совмещение» [21, с. 41]. Характерная смысловая специфика употребления указанного синкретичного образования в героическом сказании «Албынчы» состоит в следующем:

а) субъект (богатырь/богатырша) смотрит (озирается) с возвышенного места: *Тастыг сынның үстүне / Сыгып килген Хан Мирген. / Харап, көрүп турадыр* [7, с. 33] ‘Хан Мирген поднялся / На скалистый хребет. / Смотрит, высматривая вокруг’. *Ноо-да чирге сабылганда, / Хара сынның үстүне сыгара ойлап, / Харап-көрүп турубысыхан* [7, с. 116] ‘Добравшись до неизвестной земли, / Забежав на вершину чёрного холма, / [Он] стоял, озираясь’;

б) перед субъектом простирается обширный, необъятный простор: *Хан Мирген аархы сари хырин харап көр тур* [7, с. 39] ‘Хан Мирген смотрит, (высматривая) дальнюю даль’. *Тилекейде чирнің үстүн, / Тиксі харап, көрүп турупчададыр* [7, с. 26] ‘Стоит (высматривая) смотрит, / Всё, что лежит кругом’. *Харахча сыхханда, түзүн, / Аархы сарин харап көр турлар: / Ах талай суу хазы чирде / Алтын Ханның чурты чадыр* [7, с. 79] ‘[Они] (высматривая) смотрят дальнюю сторону, / Насколько хватает зоркости [их] глаз, / На берегу большой белой реки / Стоит юрта Алтын Хана’;

в) субъект с возвышенности осматривает конкретный объект (селение, степь): *Хан Мирген улуг аалны харап көр турадыр* [7, с. 45] ‘Хан Мирген стоит и смотрит (осматривая) большую деревню’. *Хара хула ат тура түскен. / Аархы сарин Хулатай харап көр турадыр, / Ах чазы хуба сол анда турупчададыр* [7, с. 48] ‘Вороной конь остановился. / Хулатай высматривает дальнюю даль, / Там лежит белая безжизненная степь’;

г) субъект осматривает объект с относительно близкого расстояния: *Чогар көрүп харабысса, / Ат назынча арыг көбк хус көдіріл пари* [7, с. 29] ‘И он посмотрел вверх, / А там кукушка размером с голову коня поднимается вверх’. *Кілің Арыг, айланып, аны көрүп-харап тур. / Анаң айлан килзе, алып ах нуур чогул* [7, с. 99] ‘Килин Арыг, отвернувшись, стоит оглядываясь – озираясь. / А когда повернулась, [смотрит], белого богатырского волка уже нет’.

Исключение составляет только один пример, где глагол **хара-** употребляется самостоятельно, не сочетаясь с глаголом **көр-** «смотреть; видеть»: *Хан Мирген аттың ахсын тартыбысыхан, / Аархы сарин харап турубысыхан* [7, с. 43] ‘Хан Мирген натянул узды коня, / Стоит и смотрит вдаль’. В следующем предложении глаголы **хара-** и **көр-** расположены по принципу параллелизма, что способствует созданию выразительного поэтического образа: *Аттың ахсын тохта-да тартып, / Аархы сарин харап турадыр. / Тилекейде чирнің үстүн / Тиксі ибiре көрүп турадыр. / Тигiр тiзiне читiре / Харап-көрүп турадыр* [7, с. 11] ‘Натягивая узду, остановил коня, / И высматривает дальнюю сторону. / Рассматривает всё, что лежит вокруг. / Высматривает до самого горизонта’.

В тексте героического сказания «Албынчы» часты употребления глагола **кѳр-** «смотреть; видеть» в изъявительном наклонении, обозначающем «реальное, с точки зрения говорящего лица, действие, относящееся к настоящему, прошедшему или будущему времени» [15, с. 200]. [Алтын Коок хыс] *Кѳп инеліп мыны кѳрген*, / *Кѳрген харагын чызыныбысхан* [7, с. 14] '[Девушка Алтын Коок], пережила (букв. видела) много страданий, / Вытерла [свои] глаза, (которыми видела)'. *Хулатай усхунуп, харагынкѳрбіскен* [7, с. 67] 'Хулатай, проснувшись, открыл глаза (букв. посмотрел глазами)'. *Хан Чачах хыс холына алып кѳрді* / *Алтын меспекнең ах хуу тайах-ты* [7, с. 102] 'Алтын Чачах, взяв в руки, посмотрела / Белую трость и золотой мяч'.

Для фольклорных текстов характерны употребления сложных глаголов, образованных при помощи вспомогательного глагола **тур-** «стоять», который, утратив своё основное значение, выполняет чисто грамматическую функцию длительности настоящего времени. *Хулатай кѳр тур:* / *Үс азахтыг хара ниш турча* [7, с. 49] '**Смотрит** Хулатай: стоит трёхногая чёрная кобылица'. *Сүмекчін кѳр тур:* *пірсі угаа сіліг алып*, / *Алтын-күмүс осхас састыг*, / *Трапча күмүс тыргахтыг* [7, с. 93] 'Слуга **видит** один из них очень красивый богатырь, / Волосы как золото-серебро, / Ногти отливают серебром'. В составе данного сложного глагола **кѳр тур-** «смотрит; видит» выпал деепричастный аффикс **-in** первого компонента **кѳр(in) тур-**, но иногда он сохраняется: *Хулатай хыс палазар, аба чілі*, / *Алаңнада кѳрin тур*, / *Пуур чілі, пѳлтерте кѳрin одырадыр* [7, с. 63] 'Хулатай **смотрит** на девушку, / Растерянно, как медведь, / Смотрит отрешённо, как волк'. *Хулатай улуг аалны кѳрin тур* [7, с. 62] 'Хулатай **смотрит** на большую деревню'. Глаголу **кѳр(in) тур-** синонимичен по продолжительности действия глагол **кѳрin одыр-**: *Хара книга сыгарып алды*, / *Столга агылып, ойда тастап*, / *Алып Хан Хыс кѳрin одыр* [7, с. 68] 'Девушка Алып Хан, вытащив чёрную книгу, / Принесла и положила на стол, / Затем **смотрит**'.

Глагол **кѳр тур-** может принимать аффикс **-гле-**, указывающий на то, что действие совершается несколькими субъектами: *Ах ѳрге ибдең прайзы сыххлап килді*, / *Хан Миргенні кѳрглен турлар*. / *Хан Мирген, алыптарны кѳре, ойлат килир*, / *Хан поэрах аттың үстүнде* [7, с. 44] 'Все вышли из белой ханской юрты, / **Высматривают** Хан Миргена. / Хан Мирген скачет в сторону богатырей, / Верхом на рыжем коне'. Надо отметить, что это один из немногих примеров, где в роли субъекта выступают несколько богатырей.

Иногда сложный глагол **кѳр тур-** «смотрит; видит» осложняется показателем настоящего времени **-адыр**, выражающего продолжительное действие (**кѳр турадыр**): *Ирнің күлүгі Албынчы*, / *Алтын хаалхазын азып*, / *Хогдайта кѳр турадыр* [7, с. 106] 'Мужчина – молодец Албынчы, / Открыв [свои] золотые ворота, / **Осматривает** окрестности свысока'. *Алтын Коок хыс күлүгі*, / *Ибіре пастырып, кѳр турадыр:* / *Ададаң пірге сыххан Хулатай абазы* / *Чалбай турган чирнің үстүн* / *Кѳп айландыра чѳрinтір* [7, с. 14] 'Красавица Алтын Коок / Вокруг ходит и **видит**: / Единоутробный брат (букв. от отца совместно вышедший) Хулатай / Всю необъятную землю / Обходил много раз, оказывается'. *Хочын Арыг Тас оолахты тобыра кѳр турадыр:* / *Тас оолах тіп кѳрзе*, / *Тас оолах нимес осхас*, / *Нимес тіп кѳрзе*, / *Тас оолах осхас полды* [7, с. 116] 'Хочын Арыг внимательно **смотрит** на Тас оолах: / Если на него смотреть как на Тас оолах, то [кажется] не похож на Тас оолах, / Если смотреть на него не как Тас оолах, то [кажется] похож на Тас оолах'.

Относительно глагольных форм настоящего времени **-адыр**; **-чададыр**, характерных в основном для произведений хакасского устного народного творчества, мы согласны с мнением исследователей о том, что они используются сказителями в целях благозвучности текста [22 и др.]. Также, на наш взгляд, права в своём высказывании об этих формах Т. Г. Тачеева: «... в языке сказителей – кызыльцев, особенно С. П. Кадышева, они несут определённую, смысловую и звуковую нагрузку. Стихи, заканчивающиеся этими глаголами, в зачине чередуются приблизительно через три строки. Многократное повторение этих глаголов со значением постоянства и длительности как бы подчёркивает вечность природы, её постоянную деятельность. И это особенно сильно звучит в Кадышевском исполнении. О горных реках, *тасхылах*¹, лесах, о кочующих по небу облаках, о рыбах, населяющих озёра, сказитель рассказывает почти с физическим ощущением их жизни и деятельности» [6, с. 209].

¹ высокая гора

Также в героическом сказании «Албынчы» для выражения различных аспектуальных оттенков процесса зрительного восприятия используются и другие сложные глаголы, образованные путём сочетания глагола **кѳр-** «смотреть; видеть» с вспомогательными глаголами, например:

кѳрпн тап- «увидеть»: *Хайзы-хайзы ыраххы чирде / Чир аргазы хара сыны / Кѳрпн тапты Хан Мирген* [7, с. 39] ‘В далёкой дали / Хан Мирген **высмотрел** / Опоясывающий землю чёрный хребет’. *Кирим сынның ұстүнде турып, / Ала харахтың одынаң / Пір дее ниме кѳрпн таппады* [7, с. 11] ‘Стоя на горе Кирил, / [Своими] глазами (букв. зрением [своих] глаз) / Ничего не **смог увидеть**’;

кѳр сал- «увидеть»: *Кир палых блген ах палыхты кѳр салды* [7, с. 71] ‘Огромная рыба **увидела** мёртвую белую рыбу’. *Кир палых кѳр салды, танып полбин тур: / Өліг тізе, тіріг осхас, / Тіріг тізе, өліг осхас* [7, с. 72] ‘Огромная рыба **увидела**, но не может понять: / Если она мёртвая, то кажется живой, / Если она живая, то кажется мёртвой’. *Алып Хан Хыс Хан Чачах палазын кѳр салды* [7, с. 104] ‘Алып Хан Хыс **увидела** свою дочь Хан Чачах’;

кѳрді полар- «наверно увидел»: *Анча чыылган алыптарда / Пірее дее алып / Хулатайны кѳрді полар* [7, с. 42] ‘Сред столь собравшихся богатырей / **Наверно** есть тот, / Кто **видел** Хулатая’;

кѳрпн ал- «посмотреть»: – *Хайди пол парар кѳргеннең, – тидір Хан Чачах, / – Кѳрпн алзабыс, сал саларбыс орнына* [7, с. 102] ‘Что из того, что мы посмотрим, – говорит Хан Чачах, / Когда **посмотрим**, положим на место’.

Таким образом, синтетические и аналитические формы глагола **кѳр-** «смотреть; видеть», находящиеся между собой в отношениях производности, выражают различные контекстные процессы и ситуации зрительного восприятия.

Заключение

Язык героического эпоса сложный и своеобразный, поскольку в нём переплетаются художественные, когнитивные, поэтические, языковые особенности. Передаваясь из поколения в поколение, он шлифуется, вырабатывает свои грамматические и семантико-синтагматические модели. В этом плане хакасское героическое сказание «Албынчы» не исключение. Одним из ярких и загадочных явлений в словесном содержании данного героического сказания мы считаем тот факт, что при его богатейшем и обширном словарном запасе процесс зрительного восприятия обозначается только одним глаголом **кѳр-** «смотреть; видеть». Также очень редко используется другой дифференцированный перцептивный глагол **хара-**, и то в сочетании с глаголом **кѳр-** «смотреть; видеть». При этом глагол **хара-** выполняет характеризующую роль, а глагол **кѳр-** принимает на себя основную смысловую нагрузку. В хакасском языке имеются и другие глаголы со значением зрительного восприятия. По нашим подсчётам, их всего 10 лексических единиц [23]. Однако из них в исследуемом тексте используются только два названные глагола, обеспечивающие все необходимые аспекты богатырского видения мира.

Широта и объёмность содержания хакасского базового глагола со значением зрительного восприятия **кѳр-** «смотреть; видеть» выражается в его семантических и синтаксических особенностях:

а) реализация в качестве связующего звена между главным и придаточным (зависимым) частями предложения в форме условного наклонения на *-са*. При этом глагол **кѳр-** «смотреть; видеть» передаёт зрительное восприятие относительно настоящего времени, не являясь условием;

б) употребление в роли дееспричастия, связывающего главную и зависимую части сложно-подчинённого предложения, может указывать на то, что описываемые в них действия происходят одновременно, а также увиденное может быть источником определённого психического состояния богатыря или же совершенно им каких-либо действий;

в) употребление в императивной форме, как составной части речевой коммуникации богатырей, выражающей смягчённое побуждение, приказание или настойчивую просьбу, наказ;

г) употребление в переносных значениях: «догадываться», «решать», «заботиться», «встречать», «родить», «пробовать»;

д) реализация отрицательного аспекта зрительного восприятия при помощи грамматических средств. Когнитивной моделью недоступности или невозможности зрительного

восприятия могут быть дальность расстояния между субъектом и объектом, какая-либо физическая преграда, субъективный фактор отключения внимания субъекта;

е) сочетание с другим глаголом со значением зрительного восприятия **хара-**, принимающим характеризующую роль;

ж) сочетание с вспомогательными глаголами **тур-** «стоять», **тап-** «находить», **сал-** «класть», **пол-** «быть», **ал-** «брать», указывающими в семантике сложного глагола различные аспекты зрительного восприятия;

3) названные и другие элементы в семантике и сочетаемости глагола **кѳр-** «смотреть; видеть», богатство его грамматического потенциала показывают различные перцептивные процессы и контекстные ситуации, связанные с видением мира богатырей. Также способность обеспечить всё необходимое когнитивное представление о восприятии окружающего мира во всём его многообразии свидетельствует о доминирующем характере базового глагола **кѳр-** «смотреть; видеть» не только в хакасском литературном, но и фольклорном языке.

Литература

1. Бобунова М. А., Праведников С. П., Хроленко А. Т. Проблемы фольклорной диалектологии. – Курск : Изд-во КГПУ, 2003. – 72 с.
2. Венгранович М. А. Стилистика фольклорного текста : учебное пособие. – Тольятти : Тольяттинский государственный университет, 2011. – 266 с.
3. Пропп В. Я. Фольклор и действительность : Избранные статьи. – Москва : Наука. Гл. ред. вост. лит-ры. 1976. – 326 с.
4. Майногашева В. Е. О народности основы героического сказания «Албынжи» // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Вып. 4. – Абакан : Хакаское кн. изд-во, 1956. – С. 78-89.
5. Албынжи. Хакаское героическое сказание / Сказитель С. П. Кадышев ; литер. пер. И. С. Кычакова. – Абакан : Хакаское областное гос. изд-во, 1951. – 112 с. (На хакасском и русс. яз.).
6. Тачеева Т. Г. Хакаский хайджи С. П. Кадышев (к 80-летию со дня рождения) // Учёные записки. Вып. 11. – Абакан : Красноярское кн. изд-во. Хакаское отделение, 1965. – С. 186-217.
7. Албынчы. Алыптыг ныхмах (героическое сказание) / Сказитель С. П. Кадышев ; зап. Д. И. Чанков. – Абакан : Хакаское кн. изд-во, 2018. – 126 с. (На хакасском яз.).
8. Севортян Э. В. Категория сказуемости // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 2. Морфология. – Москва : Изд-во АН СССР, 1956. – С. 16-22.
9. Чертыкова М. Д. Хакасская лексема *чарах* «глаз ; глаза» как опосредующее звено между телесной и духовной природой человека // Теоретическая и прикладная лингвистика Амурского государственного университета. – 2019. – № 5 (4). – С. 140-151.
10. Хакасско-русский словарь : Хакас – орыс сөстiгi : около 22 тыс. слов / Под общей ред. О. В. Субраковой. – Новосибирск : Наука, 2006. – 1114 с.
11. Древнетюркский словарь / В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. – Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1969. – 676 с.
12. Шамина Л. А. Условные конструкции в тувинском языке // Грамматические исследования по тюркским языкам : сб. науч. ст. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 1988. – С. 95-103.
13. Черемисина М. И. Управление как класс синтаксических связей // Языки и фольклор коренных народов Сибири. – 2013. – № 1. – С. 4-29.
14. Ефремов Н. Н. Отношения обусловленности в якутском языке : целевые конструкции // Гуманитарный вектор. – 2016. – Т. 11. – № 3. – С. 98-104.
15. Грамматика хакасского языка / Под ред. Н. А. Баскакова. – Москва : Наука. Гл. ред. вост. лит-ры, 1975. – 420 с.
16. Какин А. Д. Глагольное выражение семантики восприятия в казымском диалекте хантыйского языка // Филология и человек. – 2017. – № 3. – С. 163-171.
17. Чертыкова М. Д. Семантико-когнитивная характеристика хакасских глаголов со значением восприятия и их лексических соответствий в других тюркских языках. – Абакан : Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2019. – 160 с.

18. Черемисина М. И. Аналитические способы выражения отсутствия и отрицания в тюркских языках Южной Сибири // Языки и фольклор коренных народов Сибири. – 1996. – Вып. 3. – С. 3-40.
19. Тувинско-русский словарь / Под ред. Э. Р. Тенишева. – Москва : Советская энциклопедия, 1980. – 646 с.
20. Якутско-русский словарь / Под ред. П. А. Слепцова. – Москва : Советская энциклопедия, 1972. – 568 с.
21. Моисеева С. А. Особенности полисемии глаголов восприятия (на материале западно-романских языков) // Научные ведомости БелГУ. Серия : Гуманитарные науки. – 2008. – № 2. – С. 39-49.
22. Субракова О. В. Язык хакасского героического эпоса. – Абакан : Хакаское кн. изд-во, 2007. – 182 с.
23. Чертыкова М. Д. Лексико-семантические группы глаголов хакасского языка (глаголы со значением психической деятельности) : учебно-методический комплекс по дисциплине : словарь-справочник. – Абакан : Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2016. – 172 с.

References

1. Bobunova M. A., Pravednikov S. P., Khrolenko A. T. *Problemy fol'klornoi dialektologii* [Problems of folklore dialectology]. Kursk, Izd-vo KGPU, 2003, 72 p. (In Russ.).
2. Vengranovich M. A. *Stilistika fol'klornogo teksta: uchebnoe posobie* [The style of folklore text: a tutorial]. Tolyatti, Tol'yattinskii gos. un-t, 2011, 266 p. (In Russ.).
3. Propp V. Ya. *Fol'klor i deistvitel'nost': Izbrannye stat'i* [Folklore and reality: Selected articles]. Moscow, Nauka. Gl. red. vost. lit-ry, 1976, 326 p. (In Russ.).
4. Mainogasheva V. E. *O narodnosti osnovy geroicheskogo skazaniya "Albynzhi"* [On the nationality of the foundations of the heroic legend "Albynzhi"]. In: *Uchenye zapiski KhakNIYaLI. Vyp. 4* [Scientific notes of KhakSRILL. Iss. 4]. Abakan, Khakasskoe kn. izd-vo, 1956, pp. 78-89. (In Russ.).
5. *Albynzhy. Khakasskoe geroicheskoe skazanie* [Albynzhi. Khakas heroic legend]. Skazitel' S. P. Kadyshhev; liter. per. I. S. Kychakova. Abakan, Khakasskoe oblastnoe gos. izd-vo, 1951, 112 p. (In Khakas and Russ.).
6. Tacheeva T. G. *Khakasskii khaidzhi S. P. Kadyshhev (k 80-letiyu so dnya rozhdeniya)* [Khakas *khajji* S. P. Kadyshhev (to the 80th anniversary)]. In: *Uchenye zapiski. Vyp. 11* [Scientific notes. Iss. 11]. Abakan, Krasnoyarskoe kn. izd-vo. Khakasskoe otdelenie, 1965, pp. 186-217. (In Russ.).
7. *Albynzhy. Alyptyg nymakh (geroicheskoe skazanie)* [Albynzhi. Heroic legend]. Skazitel' S. P. Kadyshhev; zap. D. I. Chankov. Abakan, Khakasskoe kn. izd-vo, 2018, 126 p. (In Khakas).
8. Sevortyan E. V. *Kategoriya skazuemosti* [Predictability Category]. In: *Issledovaniya po sravnitel'noi grammatike tyurkskikh yazykov. Ch. 2. Morfologiya* [Studies on the comparative grammar of Turkic languages. Part 2. Morphology]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1956, pp. 16-22. (In Russ.).
9. Chertykova M. D. *Khakasskaya leksema kharakh "glaz; glaza" kak oposreduyushchee zveno mezhdu telesnoi i dukhovnoi prirodoi cheloveka* [Khakas token *harah* "eye; eyes" as a mediating link between the bodily and spiritual nature of man]. In: *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika Amurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Theoretical and Applied Linguistics of the Amur State University]. 2019, No. 5(4), pp. 140-151. (In Russ.).
10. *Khakassko-russkii slovar'* [Khakas-Russian dictionary]. Khakas – orys sōstigi. Pod obshchei red. O. V. Subrakovoi. Novosibirsk, Nauka, 2006, 1114 p.
11. *Drevnetyurkskii slovar'* [Ancient Turkic dictionary]. V. M. Nadelyaev, D. M. Nasilov, E. R. Tenishev, A. M. Shcherbak. Leningrad, Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1969, 676 p.
12. Shamina L. A. *Uslovnye konstruksii v tuvinskom yazyke* [Conditional constructions in the Tuvan language]. In: *Grammaticheskie issledovaniya po tyurkskim yazykam: sb. nauch. st.* [Grammar studies in Turkic languages: collection of scientific articles]. Novosibirsk, Izd-vo SO RAN, 1988, pp. 95-103. (In Russ.).
13. Cheremisina M. I. *Upravlenie kak klass sintaksicheskikh svyazei* [Management as a class of syntactic links]. In: *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and folklore of the indigenous peoples of Siberia]. 2013, No. 1, pp. 4-29. (In Russ.).
14. Efremov N. N. *Otnosheniya obuslovennosti v yakutskom yazyke: tselevye konstruksii* [Conditionality relations in the Yakut language: target constructions]. In: *Gumanitarnyi vektor* [Humanitarian vector]. 2016, vol. 11, No. 3, pp. 98-104. (In Russ.).
15. *Grammatika khakasskogo yazyka* [Grammar of the Khakas language]. Pod red. N. A. Baskakova. Moscow, Nauka. Gl. red. vost. lit-ry, 1975, 420 p. (In Russ.).

16. Kaksin A. D. *Glagol'noe vyrazhenie semantiki vospriyatiya v kazymskom dialekte khantyiskogo yazyka* [The verbal expression of the semantics of perception in the Kazym dialect of the Khanty language]. In: *Filologiya i chelovek* [Philology and Man]. 2017, No. 3, pp. 163-171. (In Russ.).
17. Chertykova M. D. *Semantiko-kognitivnaya kharakteristika khakasskikh glagolov so znacheniem vospriyatiya i ikh leksicheskikh sootvetstviy v drugikh tyurkskikh yazykakh* [Semantic and cognitive characteristics of Khakas verbs with the meaning of perception and their lexical correspondences in other Turkic languages]. Abakan, Izd-vo KhGU im. N. F. Katanova, 2019, 160 p. (In Russ.).
18. Cheremisina M. I. *Analiticheskie sposoby vyrazheniya otsutstviya i otritsaniya v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoi Sibiri* [Analytical methods of expressing absence and negation in the Turkic languages of Southern Siberia]. In: *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages of Indigenous Peoples of Siberia]. 1996, iss. 3, pp. 3-40. (In Russ.).
19. *Tuvinsko-russkii slovar'* [Tuvan-Russian dictionary]. Pod red. E. R. Tenisheva. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1980, 646 p.
20. *Yakutsko-russkii slovar'* [Yakut-Russian dictionary]. Pod red. P. A. Sleptsova. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1972, 568 p.
21. Moiseeva S. A. *Osobennosti polisemii glagolov vospriyatiya (na materiale zapadno-romanskikh yazykov)* [Peculiarities of the polysemy of the verbs of perception (on the material of the West Romance languages)]. In: *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Scientific statements of BelSU. Series: Humanitarian sciences]. 2008, No. 2, pp. 39-49. (In Russ.).
22. Subrakova O. V. *Yazyk khakasskogo geroicheskogo eposa* [The language of the Khakas heroic epic]. Abakan, Khakasskoe kn. izd-vo, 2007, 182 p. (In Russ.).
23. Chertykova M. D. *Leksiko-semanticheskie grupy glagolov khakasskogo yazyka (glagoly so znacheniem psikhicheskoi deyatel'nosti): uchebno-metodicheskii kompleks po distsipline: slovar'-spravochnik* [Lexical and semantic groups of verbs of the Khakas language (verbs with the meaning of mental activity): educational and methodical complex for the discipline: dictionary-reference book]. Abakan, Izd-vo Khakasskogo gos. un-ta im. N. F. Katanova, 2016, 172 p. (In Russ.).